

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2021

П. И. Федотова

Святой Александр и святой Владимир: две загадки русской агиографии

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_52

Аннотация: В статье рассматриваются дискуссионные проблемы времени создания Жития Александра Невского и канонизации князя Владимира. Показана ошибочность гипотезы И. И. Малышевского о новгородской канонизации Владимира после победы Александра Невского над шведами в июле 1240 года. Автор поддерживает позицию тех исследователей, которые относили появление первоначальной редакции Жития Александра Невского к 80–90-м гг. XIII в., к периоду великого княжения сына Александра — Дмитрия Переяславского. Автор приходит к выводу, что слова о святом Владимире появились только в тверской редакции Жития Александра, составленной при великом князе владимирском Михаиле Тверском. Это позволяет предполагать, что канонизация Владимира произошла в начале XIV в., в период великого княжения Михаила Ярославича Тверского.

Ключевые слова: русская агиография, жития святых, святой благоверный князь Александр Невский, святой равноапостольный князь Владимир.

Об авторе: **Полина Игоревна Федотова**

Кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

E-mail: polinafedotova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0948-6433>

Ссылка на статью: Федотова П. И. Святой Александр и святой Владимир: две загадки русской агиографии // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 52–63.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Polina I. Fedotova

**Saint Alexander and Saint Vladimir:
two Riddles of Russian Hagiography**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_52

Abstract: The article deals with the controversial issues of the time of the creation of the Life of Alexander Nevsky and the canonization of Prince Vladimir. The erroneousness of I. I. Malyshevsky's hypothesis about the Novgorod canonization of Vladimir after the victory of Alexander Nevsky over the Swedes in July 1240 is shown. The author supports the position of those researchers who attributed the appearance of the initial edition of the life of Alexander Nevsky to the 1280s–90s, the period of the great reign of Alexander's son, Dmitry Pereyaslavsky. The author comes to the conclusion that the words about Saint Vladimir appeared only in the Tver edition of the Life of Alexander, compiled during the reign of the Grand Duke of Vladimir Mikhail of Tver. This allows us to assume that the canonization of Vladimir took place at the beginning of the 14th century, during the reign of Grand Duke Mikhail Yaroslavich of Tver.

Keywords: Russian hagiography, lives of saints, St. Alexander Nevsky, St. Vladimir Equal-to-the-Apostles.

About the author: **Polina Igorevna Fedotova**

Candidate of Philosophy, Independent Researcher, Saint Petersburg.

E-mail: polinafedotova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0948-6433>

Article link: Fedotova P. I. Saint Alexander and Saint Vladimir: two Riddles of Russian Hagiography. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 52–63.

Вопрос о времени создания Жития Александра Невского представляет интерес для исследователей не только в плане изучения «золотой легенды» Средневековья о воине-князе, защитнике Русской земли. По стечению обстоятельств он оказался тесно связанным еще с одной агиографической загадкой русского Средневековья: о времени канонизации другого, не менее известного исторического персонажа — святого равноапостольного князя Владимира. До сих пор остается неизвестным, где и когда началось церковное почитание Крестителя Руси. Одни полагают, что это произошло еще в домонгольский период, в Киеве, другие относят канонизацию ко второй половине XIII в. и связывают ее с Новгородом [ПЭ, 2004, 701–702].

Одним из ключевых аргументов сторонников новгородского происхождения культа святого Владимира выступает Повесть о житии и храбрости князя Александра Невского. Упоминание в этом житии в числе святых 15 июля «святого князя Володимера, крестившаго Русскую землю» натолкнуло профессора Киевской духовной академии И. И. Малышевского на мысль о новгородской канонизации Владимира, осуществленной новгородским клиром по инициативе князя Александра после его Невской победы над шведами. По мысли Малышевского, совпадение дня Невской битвы (15 июля 1240 г.) с днем успения Крестителя Руси (15 июля 1015 г.) было воспринято современниками как знак небесного покровительства княжеского предка, что и привело к установлению его церковного почитания [Малышевский, 1882, 56–60]. «Аргумент Александра» так или иначе используется всеми сторонниками концепции Малышевского о новгородской канонизации Владимира. В зависимости от того, каким временем датируется появление Жития Александра Невского, определяется и время причтения к лику святых Крестителя Руси. Таким образом, вопрос о времени и месте канонизации князя Владимира оказался в тесной связи с решением вопроса о времени и месте создания Жития Александра Невского.

Странным образом сторонники новгородской канонизации князя Владимира придавали мало значения тому факту, что уже первые исследователи Жития Александра пришли к выводу о его *неновгородском* происхождении. Автор первого монографического исследования по русской агиографии В. О. Ключевский характеризовал создателя Жития Александра Невского как «не новгородца» и «не псковича». Об этом свидетельствуют многие детали житийного рассказа. Так, автор Жития подчеркивает, что князь Александр поспешил выступить против шведов «в мале дружине», не дожидаясь новгородцев. В то время как новгородский летописец (в НПЛ младшего извода) выводит князя Александра в поход только с новгородцами и ладожанами, не упоминая о княжеской дружине. Автор и не пскович, поскольку называет псковичей «невегласами»: «О невегласи псковичи!». Ключевский отметил и обилие подробностей в рассказе о погребении князя Александра во Владимире, которых нет в Новгородской летописи. Все эти черты обличают в авторе Жития Александра «жителя Низовской земли», владимирца [Ключевский, 1871, 67–68].

В. Мансикка, признавая справедливость наблюдений Ключевского, соглашался, что автор Жития, безусловно, не был ни новгородским, ни псковским жителем. Он везде изображает Александра в качестве владими́ро-суздальского князя («Солнце земли Суздальской»), а новгородские эпизоды его биографии даны без тех подробностей, которые имеются в местных новгородских и псковских летописях. Особенно это заметно в описаниях Невской и Чудской битв, где библейские аллюзии заслоняют исторические реалии [Мансикка, 1913, 15–16].

Н. И. Серебрянский, разделяя идею *неновгородского* происхождения этого жития, пришел к выводу, что автор-составитель Жития Александра принадлежал к братии «великой архимандритии» владимирского Рождественского монастыря, в котором был погребен святой князь. Об этом свидетельствуют и обилие библейских цитат, и личные ремарки автора, постоянно применяющего к себе монашеские эпитеты («худый», «многогрешный», «малосмысленный»), и его ссылки на рассказы монастырских отцов [Серебрянский, 1915, 178].

С невозможностью составления Жития Александра в Новгороде соглашался и И. А. Шляпкин. Он указывал, что в Новгороде и Пскове к князю Александру относились отрицательно: здесь он был памятен «страхом и грозой». Новгородцы не забыли отрезания носов и выкалывания глаз в 1257 г. за отказ подчиниться татарским численникам (НПЛ, 2000, 82, 309; Воскресенская летопись, 2001, 161), о чем свидетельствует текст договора Новгорода с младшим братом Александра Ярославом Ярославичем в 1263 г.: «а что, княже, брат твой Александр деял насиле в Новгороде, а того ся, княже, отступи» [Шляпкин, 1915, 5].

Вывод дореволюционных исследователей о владимирском, а не новгородском происхождении первоначальной редакции Жития Александра Невского был всесторонне обоснован советским историком Ю. К. Бегуновым. Суммируя наблюдения предшественников, он указал на наличие в первой редакции Жития владимиросуздальских по происхождению известий об Александре Невском — при отсутствии новгородских, которые читаются в НПЛ старшего извода и во второй редакции Жития в НПЛ младшего извода. Автор первой редакции жития, безусловно, не был ни новгородцем, ни псковичом. Он изображает Александра не как новгородского, а как владимиросуздальского князя, везде подчеркивает роль княжеской дружины, не упоминая новгородцев, а псковичей и вообще называет «невегласами» (невеждами, что в терминологии того времени было равнозначно язычникам). В пользу северо-восточного происхождения Жития говорит и использование в нем церковного сентябрьского года (тогда как в Новгороде было принято гражданское мартовское летоисчисление). В самом тексте Жития подробно говорится о погребении князя в Рождественском монастыре и рассказывается о посмертном чуде при гробе князя, что предполагает сообщение очевидца. Свидетельством в пользу владимирского происхождения первоначальной редакции памятника является и особое внимание автора Жития к личности старшего сына Александра — великого владимирского князя Дмитрия Александровича (1277–1294) [Бегунов, 1965, 57–61]. Ссылаясь Бегунов и на исследование И. А. Шляпкина, который показал, что даже в конце XIV в. память святого князя чтилась только в том монастыре, в котором он был погребен. В других русских землях князь Александр почитался не столько как святой, сколько как храбрый полководец, защитник Русской земли [Шляпкин, 1915, 5–8].

Кроме того, целый ряд поздних редакций Жития Александра Невского (третья, по классификации В. Мансикки, или пятая, по классификации Ю. Бегунова, а также наиболее пространные редакции XVI и XVII вв.) были созданы все в том же Рождественском монастыре. Перу монахов этого монастыря принадлежат также канон и служба Александру¹. Значит, даже после общерусской канонизации князя Александра Невского на Макарьевском соборе 1547 г. центром агиографической традиции о святом благоверном князе по-прежнему оставалась владимирская обитель. Что дает основание предполагать, что и первоначальная редакция Жития Александра Невского была создана именно во владимирском Рождественско-Богородичном монастыре, который на всем протяжении XIII–XVII вв. оставался средоточием культа князя-инока Алексия-Александра.

Исследованиями Н. И. Серебрянского и Ю. К. Бегунова было также установлено, что первоначальная редакция Жития Александра (первый вид первой редакции, по классификации Бегунова) не содержала упоминания князя Владимира в числе святых 15 июля². Бегунов отмечал, что, судя по тексту ранних редакций Жития

¹ Авторство третьей редакции В. О. Ключевский приписывал инок Рождественского монастыря Михаилу, автору канона князю Александру Невскому. Пространная редакция Жития 1591 г. была составлена архимандритом Рождественского монастыря Ионой Думиным. В XVII в. другой Рождественский архимандрит, Викентий, переделал редакцию Ионы Думина; из-под его пера вышла также служба Александру Невскому [Буланин, 1981, 72–73].

² В ранних проложных списках Жития Александра день Невской победы — воскресенье 15 июля — определяется как день памяти святых мучеников Кирика и Улиты и святых отцов Халкидонского Собора. В четырех списках этого жития, отражающих наиболее ранние чтения,

Александра Невского, Невская победа приписывалась заступничеству князей Бориса и Глеба, а не князя Владимира. Никаких данных в пользу того, что Александр Невский был причастен к установлению культа князя Владимира, в распоряжении историков не имеется [Бегунов, 1965, 49, прим. 86]. Серебрянский на основании сравнительного анализа списков приходил к выводу, что слова о святом Владимире в Лаврентьевской летописи носят характер поздней вставки в первоначальный текст, а составленное в Рождественском монастыре «владимирское церковное житие появилось не раньше конца XIII в., может быть, оно было написано уже в начале следующего» [Серебрянский, 1915, 177, 179]. Он отметил, что ряд признаков выдает в авторе младшего современника князя, но отдельные выражения указывают на сравнительно позднее происхождение памятника³.

Ю. К. Бегунов уточнил наблюдения предшественника: Житие Александра Невского (первый вид первой редакции) было создано в 1282–1283 гг., в период обострения борьбы между сыновьями Александра Невского — Дмитрием Переяславским и Андреем Городецким. В первой, продмитриевской версии Жития, призванной обосновать династические права Дмитрия на великокняжеский стол, — Юрьевский поход 1262 г. возглавляет 9-летний сын Александра Дмитрий. О походе 1262 г. на немецкий Дорпат (Юрьев) в этом варианте говорится так: «А сына своего Дмитрия посла на Западные страны и вся полььки своя посла с нимъ, и ближних своих домочадецъ, рекши к ним: „Служити сынови моему, акы самому мне, всемъ животомъ своим“. Поиде князь Димитрий в силе велице, и плени землю Немецкую, и взя град Юрьевъ, и возвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию». Во втором варианте первой редакции в качестве руководителя победного похода на Юрьев назван не сын, а младший брат Александра Невского — тверской князь Ярослав Ярославич: «А брата своего моложьшаго Ярослава и сына своего Дмитрия с новгородци посла на Западные страны и по вси полььки своя с ними. Поиде князь Ярослав с сыновьцим своим в силе велице и плени град великий Юрьевъ немецкий, и възвратишася въ свояси съ многымъ полоном и с великою честью» [Бегунов, 1965, 17–18, 177]. Бегунов полагал, что замена племянника на дядю произошла в период великого княжения младшего брата Дмитрия — городецкого князя Андрея Александровича (1294–1304), который хотел вытравить из Жития память о сопернике-брате. В этом варианте честь победы в Юрьевском походе приписывается не брату Дмитрию, а дяде Ярославу Ярославичу [Бегунов, 1965, 17–21]. В итоге Бегунов приходил к выводу, что празднование памяти князя Владимира было установлено после 1282–1283 гг. (предполагаемой даты возникновения Жития Александра Невского), но до 1311 г., когда новгородский архиепископ Давид поставил церковь его имени на воротах Софийского кремля [Бегунов, 1965, 49, прим. 86].

Таким образом, в исследованиях Н. И. Серебрянского и Ю. К. Бегунова содержится наиболее развернутая и аргументированная критика новгородской гипотезы И. И. Малышевского. Они показали, что предположение о причастности князя Александра Невского к канонизации князя Владимира в 1240 г. не имеет доказательной базы. Зато вывод, что местом создания Жития Александра Невского был не Новгород, а Владимир, на сегодняшний день является не предположением, а доказанным фактом, с которым вынуждены считаться все исследователи. Спорным остается лишь вопрос о времени его создания.

В. И. Галко, согласившись с доводами Ю. Бегунова о заложенной в первоначальной редакции Жития Александра продмитриевской тенденции, полагал, что создание

в частности в Псковской II летописи конца XV в. (ок. 1486 г.), святой Владимир тоже отсутствует: «и поиде на ня въ день въскресения, иуля въ 15, имеяше же веру велику къ святыма мученикома Борису и Глебу» [Серебрянский, 1915, 56, прим. 3; Бегунов, 1965, 164].

³ Например, употребленное по отношению к «царю» Батью выражение «въ то же время» или «бе же тогда нужна велика». Современник князя Александра должен был бы сказать «въ се время» (в это время). Следовательно, времена хана Батя были для автора уже несколько отдаленным прошлым [Серебрянский, 1915, 179].

текста следует отнести к лету-осени 1273 г., когда Дмитрий Переяславский вел борьбу за новгородский стол со своим дядей Василием Ярославичем. Основанием к такому выводу послужило настойчивое (троекратное) именование в Житии Новгородской земли как «земли Олександровой», «отчества Олександра», «волости Олександровой», что, по мысли исследователя, могло служить подтверждением прав Дмитрия на новгородский стол. Повесть о житии Александра Невского — отца Дмитрия — могла быть написана по заказу переяславского князя во владимирском Рождественском монастыре в 1273 г. для обоснования его прав на новгородский стол [Галко, 2003, 194]. При этом Галко пересмотрел ранее высказанный им взгляд, что Житие Александра было создано в 80-х гг. XIII в., в период борьбы Дмитрия со своим братом Андреем Городецким⁴.

Вопрос о датировке Жития Александра Невского затронул В. А. Кучкин в своем очерке о восприятии монголо-татарского ига на Руси. Он полагал, что отмеченная Бегуновым замена имени Дмитрия на имя его дяди Ярослава могла произойти только после того, как последний стал великим князем в январе 1265 г. (но до его смерти в 1271 г.). Для последующих великих князей, занимавших владимирский стол (брата Ярослава — Василия Костромского, племянников Дмитрия и Андрея), прославление Ярослава Ярославича как руководителя Юрьевского похода 1262 г. не имело никакого династического и политического смысла. В таком случае создание первоначального текста Жития следует отнести к периоду конца 1263 — начала 1265 гг., до того, как в январе 1265 г. Ярослав занял владимирский стол. Оно было написано сразу после смерти князя Александра Невского, умершего в ноябре 1263 г. Вторая разновидность первой редакции (с Ярославом) была создана не позднее смерти князя Ярослава в 1271 г. [Кучкин, 1990, 37–39].

Таким образом, Серебрянский датировал появление Повести о житии и храбрости князя Александра Невского в широких рамках конца XIII — начала XIV вв. Другие сторонники владимирского происхождения этого памятника в качестве времени создания его первоначальной редакции называют конец 1263 — начало 1265, 1273 и 1282–1283 гг. Какой из вариантов является наиболее вероятным?

Прежде всего, оппоненты Ю. К. Бегунова, сдвигающие время создания Жития Александра на более раннее время, не принимают во внимание такие немаловажные детали, как возраст и политический вес участников событий. В. А. Кучкин, относя создание Жития Александра первоначальной редакции (с Дмитрием Александровичем в качестве главы юрьевского похода) фактически к 1264 г., апеллирует к тому факту, что в новгородских летописях, прежде всего в НПЛ старшего извода, главой похода на Юрьев 1262 г. неизменно называется Дмитрий, а не Ярослав. Из этого он заключает, что статус племянника в это время был выше, чем статус дяди, а потому первоначальная редакция Жития отражала реалии именно 1263–1264 гг. Однако это утверждение верно лишь отчасти. Дмитрий в 1260–1264 гг. был новгородским князем, посаженным в Новгороде своим отцом Александром. Неизменное подчеркивание его первенства в походе 1262 г. со стороны новгородских летописцев было всего лишь проявлением характерного для них местного патриотизма. В действительности Дмитрий, которому в 1262 г. было не более 9–12 лет, мог быть только номинальным главой юрьевского похода⁵. Тогда как реальным военным руководителем был его дядя, сорокалетний

⁴ В своей первой публикации он связывал появление Жития с борьбой князя Дмитрия за великое и новгородское княжение не с дядей Василием Костромским, а со своим братом Андреем в 6789–6792 гг. (1281–1284 гг.), поддержав, таким образом, точку зрения Ю. К. Бегунова [Галко, 1982, 64].

⁵ Год рождения Дмитрия точно не известен. Обычно называется дата 1250 г. Однако есть данные, что князь Александр Невский был женат дважды: во Владимирском Успенском монастыре похоронены две его супруги (Александра и Васса) и дочь. От первого брака Александр имел сына Василия (1240–1271) и дочь Евдокию. Трое других сыновей были, по-видимому, от второго брака. Ю. К. Бегунов указывает, что второй брак был заключен осенью 1252 г.; тогда старший Дмитрий был рожден не ранее 1253 г. [Бегунов, 1995, 208; Бегунов, 2003, 166–167].

тверской князь Ярослав Ярославич. Авторитет малолетнего Дмитрия держался лишь на авторитете его отца, после смерти которого сын продержался на новгородском столе не более года. Естественно, новгородцам в условиях непрерывной военной опасности нужен был дееспособный князь, и они предпочли пригласить дядю Дмитрия — Ярослава Ярославича. Ярослав сел на новгородском столе 27 января 1265 г.⁶

Для владимирских же клириков вопрос о первенстве новгородского или тверского князя в этом походе вообще не имел принципиального значения. Тем более что в 1263 г., сразу после смерти князя Александра Невского, у его 10-летнего сына не было шансов занять владимирский стол при жизни своих дядей: Андрея Суздальского, Ярослава Тверского и Василия Костромского. Кто бы из них ни стал великим князем, было ясно, что в ближайшие годы власть останется в руках Ярославичей, братьев Александра. Поэтому владимирский клир в начале 60-х гг. не мог рассматривать Дмитрия как серьезную политическую фигуру. На протяжении 12 лет, с 1264 по 1276 гг., Дмитрий оставался удельным переяславским князем, лишь однажды занявшим новгородский стол (в 1272–1273 гг.), что сразу привело к конфликту с его младшим дядей, тогдашним великим князем Василием Ярославичем.

В. И. Галко, приписывая монахам Рождественского монастыря написание в 1273 г. Жития по заказу Дмитрия, упускает из виду, что на тот момент Дмитрий еще не был великим князем. Этот титул носил его дядя Василий Костромской. В стольном Владимире, в главном монастыре страны (а Рождественский монастырь до 1561 г. сохранял статус первой архимандритии на Руси) [Буланин, 1981, 71] вряд ли могло быть создано церковно-публицистическое произведение, восхвалявшее соперника великого князя владимирского⁷. Слова князя Александра относительно его старшего сына, «Служите сынови моему, акы самому мне, всем животою своим», в Житии адресованы в том числе и «домочадцам» и звучали как политическое завещание князя. Вряд ли требование подчиниться племяннику могло устраивать Василия Ярославича. Да и владимирскому клиру в 1273 г. не было причин отстаивать интересы одного из удельных князей.

Согласно принятому на Руси лествичному праву, наследником власти старшего брата являлись младшие братья, а не сыновья. После смерти князя Александра Ярославича, с 1264 по 1277 г. во Владимире продолжало править старшее поколение князей: Ярослав Ярославич (1264–1271) и следующий по старшинству брат Василий Ярославич (1272–1277) [Горский, 2016, 55]. Таким образом, до 1277 г. продмитриевская версия не могла даже возникнуть. В 1264 г. Дмитрий еще не обладал ни политическими ресурсами, ни личным влиянием для заказа агиографического произведения, а до 1277 г. великий стол занимали братья отца.

Итак, продмитриевская версия не могла быть создана владимирским клиром сразу после смерти князя Александра в 1263–1264 гг., так как старший сын князя Александра был на тот момент мальчиком-подростком, не имевшим собственного политического веса. В ноябре 1263 г. всем было ясно, что владимирский стол займет один из Александровых братьев. В ситуации политической неопределенности, когда имя нового хозяина владимирского стола было еще под вопросом (что зависело от воли золотоордынского хана), вряд ли церковные власти стали торопиться с составлением жития. Не могла возникнуть продмитриевская редакция и позднее, так как до 1277 г. великий стол занимало старшее поколение князей. Лишь после смерти последнего из братьев Александра Невского его старший сын Дмитрий получил в Орде ярлык на великое владимирское княжение. Это заставляет согласиться с Ю. Бегуновым,

В. А. Кучкин и А. Ю. Карпов считают данные о втором браке Александра недостоверными [Кучкин, 1996, 25; Карпов, 2013, 89, прим. 1]. В летописях дата рождения Дмитрия не указана.

⁶ В НПЛ старшего извода говорится: «В лето 6772 [1264]. Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича, сдумавше с посадникомъ Михайломъ, зане князь еще малъ баше; а по Ярослава послаша, по брата Александрова»; «В лето 6773 [1265]. Посадиша в Новгороде на столе князя Ярослава Ярославича месяца генваря въ 27» (НПЛ, 2000, 84).

⁷ Хотя сам великий князь Василий почти постоянно жил в Костроме [Экземплярский, 1889, 44].

что продмитриевская редакция Жития Александра могла быть составлена только в период владимирского княжения переяславского князя (1277–1294). Составление такого жития действительно отвечало интересам прежде всего Дмитрия Александровича, но никак не интересам его дядей, учитывая содержание содержащегося в его тексте требование служить «животом» старшему сыну князя Александра. Судя по тому, что князь Александр явно готовил старшего сына себе в преемники, у Дмитрия действительно были все основания представлять себя как наследника своего отца, по праву наследующего от него и владимирское, и новгородское княжения.

В. А. Кучкин в своей критике позиции Ю. Бегунова утверждал, что тот оставил без внимания вопрос о том, когда могла появиться замена в житийном рассказе о походе 1262 г. на Юрьев имени Дмитрия на имя его дяди Ярослава Ярославича. Однако это не так. Бегунов связывал появление второго варианта первой редакции Жития с работой книжников из окружения князя Андрея Александровича Городецкого, который занимал владимирский стол в 1294–1304 гг. Он полагал, что в это время и была составлена эта разновидность Жития Александра, где ненавистный Андрею его старший брат Дмитрий был заменен дядей Ярославом [Бегунов, 1965, 20–21].

Однако это предположение Бегунова уязвимо. Здесь можно полностью согласиться с доводами его оппонента, что ни соперник Дмитрия его брат Андрей не был заинтересован в прославлении родоначальника тверских князей (поскольку вплоть до 1300 г. тверские князья были его врагами), ни тверские князья, сохранявшие союзническую верность Дмитрию до самой его смерти, не могли тенденциозным прославлением своего предка портить отношения с Дмитрием. Кучкин был уверен, что после кончины Дмитрия в 1294 г. замена в Житии его имени на имя умершего в 1271 г. Ярослава Ярославича вообще теряла какой-либо политический смысл. Такой смысл сохранялся лишь при жизни Ярослава Ярославича, который после смерти брата Александра вынужден был вести борьбу с его сыном Дмитрием. Именно в силу этих соображений Кучкин приурочивал создание благоприятной к тверскому князю версии Жития Александра к владимирскому правлению Ярослава Ярославича (1265–1271 гг.), отодвигая появление продмитриевской версии к 1264 г. [Кучкин, 1990, 37–39].

Убеждение Кучкина, что после смерти Дмитрия в 1294 г. вопрос был исчерпан, а потому невозможно понять, в чьих интересах была произведена замена Дмитрия на Ярослава, далеко не бесспорно. Такое заинтересованное лицо имелось. Но, безусловно, им был не Андрей Городецкий, как предполагал Бегунов. Гораздо больше оснований полагать, что замена Дмитрия Александровича на Ярослава Ярославича произошла в период великого княжения сына Ярослава Ярославича — Михаила Тверского (1305–1318). У Михаила Ярославича Тверского имелись более весомые мотивы представить главным организатором юрьевской победы своего отца Ярослава, чем у Андрея Городецкого. Как бы Андрей ни относился к своему сопернику-брату, ему не было резона приписывать честь громкой военной победы конкурирующей княжеской ветви в лице дяди и его потомства.

Что касается Михаила Тверского, то смерть последнего из сыновей Александра Невского, Андрея Городецкого, в 1304 г. и получение ярлыка на великое княжение полностью развзвывали ему руки. Скорее всего, протверская версия Жития Александра Невского, где руководителем победного похода на немцев 1262 г. представлен отец Михаила — тверской князь Ярослав (что, собственно, соответствовало исторической истине, так как малолетний Дмитрий был лишь номинальным главой похода), была составлена монахами того же владимирского Рождественского монастыря, что и первая, продмитриевская. Это тем более вероятно, что с декабря 1305 г. по 1308 г. включительно обязанности митрополита выполнял тверской игумен Геронтий — доверенное и лицо и ставленник тверского князя. Резиденция русского митрополита с 1299 г. находилась во Владимире. Отсюда можно с большой долей вероятности заключить, что второй вариант первой редакции Жития Александра Невского был создан в период конца 1305–1308 гг., когда и светская, и духовная власть в северо-восточной Руси оказалась под контролем Михаила Тверского.

Следует также принять во внимание, что именно этот тверской князь придавал громадное значение, говоря современным языком, идеологической работе, то есть церковно-политической пропаганде. В его правление не только строится каменный кафедральный Спасо-Преображенский собор в Твери и начинается тверское летописание, но и осуществляются такие крупные историко-литературные проекты, как создание общерусского летописного свода и перевод на русский язык византийской Хроники Георгия Амартола.

Советский историк и искусствовед О. И. Подобедова отмечала, что столь затратное и грандиозное предприятие, как создание иллюстрированного списка всемирной византийской хроники, было продиктовано серьезными историософскими и политическими мотивами. А именно — целью предпослать русской истории историю «от сотворения мира» до того момента, как появилась Русская земля и началась русская история, описанная в русской летописи. Тем самым, ставилась задача вписать русскую историю в мировую, представить ее в качестве заключительной части всемирной истории [Подобедова, 1965, 18]. Невозможно сомневаться, что корректировка в протверском духе созданной в правление Дмитрия Переяславского Повести о житии его отца Александра произошла именно при Михаиле Тверском, но никак не при Андрее Городецком. Беспринципного политика Андрея вряд ли волновали вопросы всемирной и отечественной историографии, в отличие от такого идейного политика, как Михаил Тверской.

Остается вопрос, на каком этапе и когда в Повести о житии Александра появляется святой князь Владимир в числе святых 15 июля — дня Невской битвы? Хотя состояние источниковой базы не дает возможности с полной достоверностью решить эту проблему, общая картина ясна. Из 13 имеющихся списков первой редакции этого Жития 4 относятся к первому виду (с Дмитрием), а 8 — ко второму (с Ярославом). Относительно одного, самого раннего списка — в составе Лаврентьевского свода (1377 г.) — невозможно определить его принадлежность к первому или второму виду, так как определяющие их эпизоды (о юрьевском походе и о погребении князя Александра) в нем отсутствуют из-за утраты листов. Более того, именно этот (самый ранний из дошедших до нас) список, как показал Ю. Бегунов, занимает промежуточное положение между двумя разными видами одной редакции: он содержит ряд чтений первого и ряд чтений второго вида, причем без тех искажений и дополнений, которые присущи более поздним спискам [Бегунов, 1965, 56]. Кроме того, в нем имеется и князь Владимир в качестве святого покровителя 15 июля. При этом все четыре списка первого вида (с Дмитрием) не содержат упоминания о святом Владимире. Зато все, кроме одного, списки второго вида (с Ярославом) содержат запись о святом Владимире, крестившем Русскую землю. (В списке Псковско-Печерского монастыря (кон. XV в.) эпизод с Невской битвой выпущен, поэтому невозможно определить, имелись ли там слова о святом Владимире) [Бегунов, 1965, 164].

Таким образом, тенденция налицо. В первоначальной версии Жития Александра, созданной при Дмитрие Александровиче, святого Владимира в списке святых 15 июля еще не было. Зато все списки второго вида первой редакции, в которых имеется эпизод с Невской битвой, содержат упоминание о святом Владимире, крестившем Русскую землю. Присутствует имя святого Владимира и в списке Жития Александра Лаврентьевской летописи, который объединяет чтения первого и второго вида. (Что означает, что он представляет собой компиляцию обоих вариантов первой редакции Жития.) Значит, упоминание о князе Владимире появилось именно во втором варианте первой редакции.

Это позволяет уточнить хронологию двух видов первой редакции. Следует согласиться с Ю. К. Бегуновым, что временем создания первоначального Жития Александра Невского был период великого княжения его старшего сына Дмитрия Александровича Переяславского. Аргументация Бегунова здесь полностью сохраняет свою силу. Однако указанные им рамки 1282–1283 гг. требуют корректировки. С конца 1281 г. по весну 1283 г. Дмитрий не занимал владимирского стола. В это время

он отсутствовал во Владимире, да и на Руси бывал лишь наездами⁸. Поэтому заняться идеологическими мероприятиями он мог не ранее марта 1283 г., после своего возвращения на Русь из Орды, откуда он приехал, как полагают исследователи, с ярлыком на великое княжение от всеильного тогда бекляр-бека Ногая⁹.

На 1283–1284 гг. как наиболее вероятное время создания продмитриевской редакции Жития Александра Невского косвенно указывает составление в тот же период великокняжеского летописного свода. Свод заканчивался описанием событий 1282–1283 гг. (в благоприятной для Дмитрия трактовке событий) и продолжен не был¹⁰. Именно в это время, после отчаянной борьбы с братом и его союзниками новгородцами и тверичами, у Дмитрия имелась и настоятельная потребность, и возможность для осуществления своих идеологических мероприятий.

Правда, И. А. Шляпкин обращал внимание, что в послании владимирского епископа к великому князю, сыну Александра, в котором исследователи видят Дмитрия Александровича, говорится о благочестии его отца, неизменно почитавшего церковный клир, но при этом Александр не назван святым¹¹. Из этого факта ученый делал вывод, что и в 1293 г. в самом Владимире высшая церковная власть еще не канонизировала князя, что ставит под вопрос и наличие к тому времени жития [Шляпкин, 1915, 3]¹². Трудно примирить этот факт с не менее бесспорным выводом, что продмитриевская редакция могла быть создана только в период великого княжения Дмитрия Александровича. Остается допустить, что первоначальная версия Повести о житии и храбрости князя Александра Невского была написана для созданной при Дмитрие летописи, не имела статуса агиографического произведения и лишь впоследствии была переделана в церковное житие.

Однако независимо от того, в какой именно период 15-летнего великого княжения Дмитрия Переяславского была создана эта первоначальная версия, в ней не было слов о святом Владимире. Списки исходной редакции их не содержат. Предполагать участие книжников Андрея Городецкого в создании протверской версии Жития в период 1294–1304 гг. нет оснований. Вероятнее всего, второй вариант Жития Александра, в котором наряду с протверской редактурой юрьевского похода появляются слова

⁸ Зимой 1281/1282 г. младший брат Дмитрия Андрей привел на Русь татарскую рать для захвата владимирского стола. В декабре 1281 г. Дмитрий бежал сначала в построенную им крепость Копорье, а в начале 1282 г. «за море». Андрей в это время утвердился на владимирском и новгородском столах. Однако уже весной 1282 г. Дмитрий вернулся и отбил у брата Переяславль, откуда направился с дарами в Орду, ища поддержки у Ногая. Вернувшись в Переяславль, он вынужден был отразить нападение коалиции новгородских, московских и тверских войск. Вслед за тем в том же 1282 г. последовала новая татарская рать, вторично приведенная Андреем. Дмитрий вместе с семьей и «со всем двором своим» вновь вынужден был бежать, на этот раз в Орду, под защиту Ногая. Так излагает события Никоновская летопись (Никоновская летопись, 2000, 159–161). Таким образом, Дмитрий на протяжении полутора лет находился в бегах и на Руси пребывал недолгое время.

⁹ Сообщение о его возвращении стоит в Никоновской летописи под 6791 г., который начался, по современному календарю, 1 марта 1283 г. (Никоновская летопись, 2000, 161).

¹⁰ Существование Переяславского свода начала 80-х гг. XIII в. установил М. Д. Приселков. Он относил его составление к 1281 г., с припиской событий 1282–1283 гг. [Приселков, 1996, 151–159].

¹¹ В Послании говорится: «Вижь, сыну князь, како были велиции князи, твои прадеды и деды и отец твой великий князь Александръ: украсили церковь Божию клирошаны и книгами, и богатыми домы и великими десятинами по всемъ градомъ, и суды церковными. И ныне, сыну князь, аз отец твой, епископ володимерский, поминаю ти, сыну своему, о церкви Божии. А сам, сыну, ведаешъ: церкви та ограблена и домы ея пусты» (Послание епископа, 1861, 470–471). Судя по указанию на ограбление церковей, послание было написано после татарского разорения 1293 г., когда были разграблены владимирские церкви.

¹² Сам Шляпкин полагал, что Житие Александра Невского было составлено только в конце XIV в. во владимирском Рождественском монастыре и затем внесено в Лаврентьевскую летопись, из которой заимствовано последующей агиографической традицией. Однако такая датировка не позволяет объяснить наличия двух вариантов Жития: с Дмитрием Александровичем и Ярославом Ярославичем.

о святом Владимире, был создан при Михаиле Тверском. В таком случае канонизация князя Владимира произошла в начале XIV в., в промежуток с 1305 по 1308 г., в тот период великого княжения Михаила Ярославича Тверского, когда он распорядился не только владимирским столом, но и владимирской митрополией. Абсолютной границей здесь выступает 1311 г., поскольку этим годом датируется строительство в Новгороде первой известной по источникам церкви в честь святого Владимира: «Того же лета архиепископъ Давыдъ постави церковь камену на воротехъ от Неревского конца святого Владимира» (НПЛ, 2000, 93). Но даже здесь наиболее вероятно тверская, а не новгородская инициатива, так как в главном памятнике новгородского летописания — Новгородской Первой летописи старшего извода — ни до 1311 г., ни после, вплоть до ее окончания в 1352 г., нет никаких следов церковного почитания св. Владимира. Только с XV в. новгородские летописи начинают активно пропагандировать и святого благоверного князя Александра, и святого князя Владимира, крестившего Русскую землю.

Источники и литература

1. Бегунов (2003) — *Бегунов Ю. К.* Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия, 2003. 262 с.
2. Бегунов (1995) — *Бегунов Ю. К.* Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 206–209.
3. Бегунов (1965) — *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965. 231 с.
4. Буланин (1981) — *Буланин Д. М.* Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 71–79.
5. Воскресенская летопись (2001) — Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.
6. Галко (1982) — *Галко В. И.* Некоторые источниковедческие аспекты «Жития Александра Невского» // Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1982. С. 61–65.
7. Галко (2003) — *Галко В. И.* «Повесть о житии и храбрости» кн. Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб.: БЛИЦ, 2003. С. 193–195.
8. Горский (2016) — *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. 2-е изд. СПб.: Наука, 2016. 185 с.
9. Карпов (2013) — *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2013. 329 с.
10. Ключевский (1871) — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 465 с.
11. Кучкин (1996) — *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
12. Кучкин (1990) — *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX вв. М., 1990. Вып. 1. С. 15–69.
13. Малышевский (1882) — *Малышевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // Труды Киевской духовной академии. 1882. № 1. С. 45–69.
14. Мансикка (1913) — *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты // Памятники древней письменности. СПб., 1913. 225 с.; 137 с.
15. Никоновская летопись (2000) — Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 10. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.

16. НПЛ (2000) — Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
17. Подобедова (1965) — *Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей XIII–XVI вв. Очерки. М.: Наука, 1965. 336 с.
18. Послание епископа (1861) — Послание владимирского епископа к сыну св. Александра Невского // Православный собеседник. Казань, 1861. Ч. 3. С. 467–472.
19. ПЭ (2004) — Владимир (Василий) Святославич // Православная Энциклопедия. М.: НПЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 690–718.
20. Приселков (1996) — *Приселков М.Д.* История русского летописания, XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
21. Серебрянский (1915) — *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. 494 с.
22. Шляпкин (1915) — *Шляпкин И.А.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915. 21 с.
23. Экземплярский (1889) — *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. 474 с.